

Иммануил Валлерстейн

Движения: что значит быть сегодня движением, выступающим против системы?

Термин «движение, выступающее против системы» был создан мною в 1970-е гг. в попытке получить формулировку, которая объединяла бы то, что в историческом и аналитическом плане всегда представляло собой две различные – и во многих отношениях соперничающие друг с другом – разновидности массового движения: одну, известную как «социальные» движения, и другую, получившую название «национальные» движения. Социальные движения воспринимались прежде всего как социалистические партии и профсоюзы; целью их было наращивать классовую борьбу в каждом отдельно взятом государстве, направляя ее против буржуазии или предпринимателей. К национальным движениям относились те, что боролись за создание национальных государств либо путем объединения различных политических единиц, считавшихся частями одной нации – как то было, например, в Италии – либо путем отделения от государств, бывших, по мнению соответствующих национальностей, имперскими и построенными на угнетении – таким, например, был случай с колониальными территориями в Азии или Африке. Обе разновидности возникли во второй половине XIX в. в виде достаточно мощных бюрократических структур, окрепших с течением времени. Обе разновидности движений, как правило, ставили свои цели превыше любых других политических задач – в особенности

задач, бывших на повестке дня их соперников, будь то социальных или национальных. Это часто приводило к весьма ожесточенным взаимобвинениям. Две разновидности редко сотрудничали друг с другом в политическом плане, а когда они все же шли на это, то, как правило, рассматривали такое сотрудничество как временный и тактический, а не основополагающий союз. Тем не менее, история этих движений в период между 1850 и 1970 гг. выявляет наличие у них целого ряда общих черт.

Большинство социалистических и националистических движений неоднократно провозглашали свою «революционность», то есть утверждали о своей приверженности идее фундаментальных изменений в сфере общественных отношений. Правда, обе разновидности движения обычно имели в своем составе определенное крыло, иногда оформленное в отдельную организацию, которое выступало за более постепенные формы и поэтому предпочитало не пользоваться революционной риторикой. Но в общем и целом поначалу, а часто и в течение многих десятилетий, власть предрасполагавшая считала все такие движения – даже в их смягченном виде – угрозой стабильности своего положения в обществе и даже самому существованию политических структур, обеспечивавших это положение.

Во-вторых, на заре своего существования оба варианта движения были довольно слабы в политическом отношении, им приходилось вести трудную борьбу, чтобы попросту выжить. Они подвергались репрессиям или ставились вне закона правительствами своих стран, их лидеры арестовывались, а рядовые участники часто становились объектами систематического насилия со стороны государства или частных лиц. Многие ранние разновидности таких движений были полностью уничтожены.

В-третьих, на протяжении трех последних десятилетий XIX в. оба типа движений прошли через целый ряд очень важных (параллельно проводимых) дискуссий по вопросам стратегии, в которых участвовали как те, кто «ориентировался на госу-

дарство», так и те, кто видел в государстве заведомого противника и упор делал на трансформацию личности. В социальных движениях эта дискуссия велась между марксистами и анархистами, в национальных – между политическими националистами и националистами-культуралистами. Историческим итогом этих дискуссий – и в этом состоит четвертое сходство между разновидностями движения – было то, что сторонники «государственнической ориентации» победили повсеместно. Решающий довод в каждом отдельном случае состоял в том, что непосредственный источник реальной власти воплощался в государственном аппарате и что любая попытка игнорировать его основополагающую политическую значимость была заведомо обречена на провал, поскольку государство безусловно подавило бы любое поползновение в сторону анархизма или культур-национализма. В конце XIX в. эти группы возвестили о принятии ими так называемой двухэтапной стратегии: сначала прийти к власти в рамках существующей государственной системы, а уже затем преобразовать мир. Это произошло и в социальных, и в национальных движениях.

Пятая общая черта менее заметна, но столь же реальна. Социалистические движения часто включали в свою полемику националистическую риторику, тогда как националистическая аргументация нередко заключала в себе социалистическую составляющую. Результатом была некоторая смазанность обеих доктрин – причем куда более сильная, чем сторонники каждой из них имели смелость когда бы то ни было признать. Часто отмечалось, что социалистические движения в Европе сплошь и рядом действовали более эффективно в качестве инструмента национальной интеграции, чем консерваторы или само государство, тогда как коммунистические партии, пришедшие к власти в Китае, Вьетнаме или на Кубе, явно играли роль движений национального освобождения. Тому были две причины. Во-первых, процесс мобилизации вынуждал обе группировки попытаться привлечь в свой лагерь всё более широкие сегменты населения и расширение спектра их

риторики весьма им в этом способствовало. Во-вторых, лидеры обоих движений часто подсознательно понимали, что у всех у них есть один общий враг в лице существующей системы и что потому у них друг с другом больше общего, чем это можно было бы признать в публичных декларациях.

Процесс мобилизации народных масс был в общих чертах одним и тем же для обеих разновидностей движения против системы. В большинстве стран оба типа движения начинали свою деятельность в качестве небольших группировок, часто состоявших из горсточки интеллектуалов и нескольких радикалов, завербованных на стороне. Группировки, которые смогли добиться своих целей, пришли к этому, обеспечив себе массовую базу в кругах радикалов, сочувствующих и своих пассивных сторонников, для чего потребовалось проведение длительных кампаний по воспитанию и организации масс. Когда внешний круг сторонников становился достаточно широк для обеспечения деятельности радикалов, которые начинали чувствовать себя в нем, по выражению Мао Цзедуня, как рыба в воде, движения превращались в серьезных претендентов на захват власти. Следует, разумеется, отметить и тот факт, что группировки, именовавшие себя «социал-демократическими», смогли окрепнуть, как правило, прежде всего в государствах, расположенных в ключевых зонах мировой экономической системы, а те, что называли себя движениями национального освобождения, обычно процветали на ее полупериферии и периферии. Последнее в целом справедливо и для коммунистических партий. Причина представляется достаточно очевидной. Движения, существовавшие в экономически более слабых зонах, убеждались, что успех борьбы за равенство целиком зависел от их способности вырвать управление государственными структурами из рук империалистических держав, вне зависимости от того, прямое или косвенное управление практиковалось последними. Движения в ключевых экономических зонах действовали в окрепших уже государствах. Чтобы добиться успеха в борьбе за равенство, им нужно было отнять власть у господствующих слоев своего

собственного общества. Но именно потому, что эти государства были сильными и богатыми, восстание оказывалось заведомо негодной тактикой, и упомянутые партии становились на путь парламентаризма.

Седьмая общая особенность состоит в том, что оба этих движения долгое время колебались, какому способу трансформации общества – «революции» или «реформе» – следует отдать предпочтение. В обоих движениях на эту тему шли бесконечные дискуссии, но в конце концов оказалось, что дебаты в любом случае строились на неверном понимании действительности. Революционеры на практике были не так уж революционны, а реформисты иногда шли отнюдь не дорогой реформ. Чтобы выжить, революционерам приходилось делать много уступок. Реформисты убедились в том, что гипотетически легальные пути к переменам могут быть в реальности накрепко заблокированы и для преодоления всех и всяческих препон иной раз необходимо прибегнуть к силе или, по крайней мере, к угрозе ее применения. Так называемые революционные движения обычно приходили к власти в результате принесенной войной дезорганизации существующей власти, а не благодаря своей собственной способности к сотрясению основ. В России 1917 г. большевики, как говорят, заявляли, что власть валяется на улице. Утвердившись же у власти, движения начинали делать все возможное, чтобы удержать ее – вне зависимости от того, каким образом они к ней пришли, а это, в свою очередь, часто требовало отказа от радикализма и заставляло пожертвовать солидарностью со своими сподвижниками в других странах. Поддержка со стороны народа всегда была одинаковой, каким бы способом они ни победили – с помощью пуль или избирательных бюллетеней; их приход к власти после долгого периода борьбы неизменно встречался радостными танцами на улицах.

И, наконец, оба движения сталкивались с проблемой осуществления двухэтапной стратегии. Как только завершался первый этап, их сторонники начинали ожидать от них исполнения обещаний, связанных со вторым этапом, а именно

переустройства мира. Но тут обнаруживалось – если только они этого не знали раньше – что мощь государства отнюдь не столь велика, как они полагали. Любое государство ограничено в своих возможностях уже тем, что является частью межгосударственной системы, в которой суверенитет одной нации, какой бы она ни была, не может быть абсолютным. Чем дольше эти движения находились у власти, тем на более долгий срок они явственно старались отложить реализацию своих обещаний; кадры же воинствующих, мобилизующих массы движений превращались тем временем в функционеров правящей партии. Их положение в обществе подвергалось трансформации, что с неизбежностью вело и к изменению их индивидуальной психологии. То, что в Советском Союзе было известно как «номенклатура», по-видимому, возникало в той или иной форме в каждой стране, где соответствующее движение обретало бразды правления: там появлялась привилегированная каста высших чиновников, располагавших большей силой и большим реальным богатством, чем остальная часть населения. В то же время рядовых рабочих понуждали работать все больше и идти на все бóльшие жертвы во имя национального развития. Воинствующая синдикалистская тактика, бывшая ранее повседневным обиходом социалистического движения, становилась чем-то «контрреволюционным», в высшей степени предосудительным и, как правило, гонимым, как только это движение утверждалось у власти. Анализ ситуации, существовавшей в мире в 1960-е гг., показывает, что эти две разновидности движения стали к тому времени напоминать друг друга как никогда раньше. В большинстве стран движения, выступавшие против системы, уже завершили первый этап двухэтапной стратегии, придя к власти практически повсеместно. Коммунистические партии правили более чем третью земного шара, от Эльбы до Ялу; национально-освободительные движения стояли у кормила власти в Азии и Африке, а популистские движения в Латинской Америке и социал-демократические движения, их двоюродные родственники, – в большей части панъевропейского

мира, по крайней мере, на альтернативной основе. Мир они, однако, не преобразовали.

Именно сочетание всех этих факторов и лежит в основе главной отличительной черты мировой революции 1968 г. Революционеры выступали с различными локальными требованиями, определявшимися местной спецификой, но почти повсюду их объединяли два общих фундаментальных тезиса. Прежде всего, они боролись против гегемонии Соединенных Штатов и их тайного сговора с Советским Союзом, мирившимся с этой гегемонией. Во-вторых, они обрушивались на «старых левых» за то, что те были «не частью решения, а частью проблемы». Эта вторая общая черта являлась следствием громадного разочарования рядовых сторонников традиционных движений, направленных против системы, в практической деятельности оных, когда те приходили к власти. Страны, в которых они действовали, бесспорно, через ряд реформ все же прошли – и там наблюдался рост числа медицинских и учебных заведений, а занятость становилась более гарантированной. Но в ряде сфер о равенстве возможностей говорить по-прежнему не приходилось. Недооплачиваемый наемный труд не исчез – напротив, его доля в общем объеме трудовой деятельности только возросла. Уровень действительного демократического участия населения в государственном управлении и руководстве предприятиями повысился незначительно или остался прежним; нередко наблюдалось его снижение. На международной арене такие страны, как правило, продолжали играть примерно ту же роль, что и прежде. Так, экономика Кубы до революции была ориентирована на экспорт сахара, и эта ситуация сохранилась и после революции, по крайней мере, до крушения Советского Союза. Недовольство могло в какой-то мере терять свою остроту, но оно оставалось вполне реальным и широко распространенным явлением. Население этих стран призывалось движениями у власти неизменно проявлять терпение и уповать на то, что сама история была-де на их стороне. Но люди уставали терпеть. Они уже не верили, что эти партии принесут им светлое будущее или мир,

основанный на большем равенстве. В глазах населения партии утрачивали свою легитимность; потеряв доверие к движениям, люди теряли и веру в государство как механизм переустройства мира. Все это еще не означало, что существенные прослойки населения откажутся проголосовать за такие партии на выборах и лишат их своей поддержки, но люди голосовали теперь из чувства самосохранения – не во имя идеологии и не в надежде на лучшее будущее, а просто за наименьшее из зол.

Тем не менее, начиная с 1968 г., в обществе идет непрерывный поиск некоего лучшего варианта движения, выступающего против системы, который действительно привел бы к созданию более демократического мира, основанного на равенстве. Попытки создать такое движение шли по четырем самостоятельным направлениям, причем некоторые разрабатываются еще и сегодня. Первое направление было связано с деятельностью целой россыпи различных маоизмов. С начала 1960-х и примерно до середины 1970-х гг. в мире возникло большое количество различных соперничавших друг с другом движений, обычно небольших, но иногда и на удивление многочисленных, заявлявших о своей маоистской направленности, подразумевая тем самым, что в той или иной степени их вдохновил к жизни пример «культурной революции» в Китае. В основном все они утверждали, что «старые левые» провалились, так как не проповедовали подлинную доктрину революции, которая теперь предлагается ими. Но все эти движения выдохлись, чему были две причины. Во-первых, между ними шла ожесточенная грызня по вопросу о том, что есть «подлинная доктрина», и они быстро превращались в крошечные и замкнутые сектантские группки; если же движения были многочисленны, как, например, в Индии, они эволюционировали в новые разновидности движений «старых левых». Во-вторых, что еще важнее, после смерти Мао Цзедунa маоизм разложился в самом Китае, и вместе с ним исчез и сам источник их вдохновения. Сегодня сколь-нибудь серьезных движений этой направленности больше не существует.

Второй, более живучей, разновидностью претендентов на статус противников системы были новые социальные движения – «зеленые» и прочие борцы за охрану окружающей среды, феминистки, защитники прав расовых или этнических «меньшинств», например, чернокожих в Соединенных Штатах или «беров» во Франции. Формально эти движения насчитывали много лет существования, но фактически они впервые стали значимыми только в 1970-е гг. или пережили тогда свое второе рождение, представ перед миром в обновленном и более радикальном виде. Следует отметить, что в панъевропейском мире они обрели куда большую силу, чем в остальных частях мировой системы. Общим для всех них было ярое неприятие двухэтапной стратегии «старых левых», ее внутренней иерархии и приоритетов – в частности, положения о том, что нужды и потребности женщин, «меньшинств» и окружающей среды не относятся к числу первоочередных проблем, и что решать их следует «после победы революции». Во-вторых, они с глубокой подозрительностью относились к государству и к любой деятельности государственнической ориентации. К началу 1980-х гг. все эти движения раскололись на «фундис» и «реалос» (мы пользуемся здесь терминологией, бытовавшей тогда среди немецких «зеленых»). То был своего рода перепев дискуссий между «революционерами» и «реформистами», которые имели место в начале XX в. В итоге «фундис» проиграли по всем пунктам и в целом исчезли со сцены. Победившие «реалос» чем дальше, тем больше стали выглядеть подвидом социал-демократической партии, не слишком отличаясь от ее классической разновидности, несмотря на всю свою риторику об экологии, сексизме и расизме или обо всех этих явлениях вместе взятых. Сегодня эти движения по-прежнему пользуются значительной популярностью в целом ряде стран, но в своей «борьбе против системы» они явно не слишком опережают «старых левых» – тем более, что те вывели из событий 1968 г. определенные уроки и постарались включить в свои программные заявления

тезисы, связанные с экологией, равноправием полов, свободой сексуального выбора и неприятием расизма.

Третьей разновидностью претендентов на статус борцов против системы были и остаются правозащитные организации. Разумеется, некоторые из них, например, Международная амнистия, существовали и до 1968 г., но в общем и целом они превратились в важную политическую силу только в 1980-е гг., чему способствовало обращение президента Картера к правозащитной терминологии в вопросах, связанных с ситуацией в Центральной Америке, и подписание в 1975 г. Хельсинкских соглашений, касавшихся, в частности, положения в коммунистических государствах Восточной и Центральной Европы. Оба этих фактора легитимировали бесчисленные к тому времени организации правозащитного характера и сделали их частью «истеблишмента». В 1990-е гг. в центре внимания средств массовой информации оказались этнические «чистки», особенно в Руанде и на Балканах, что привело к оживленным дискуссиям в обществе, заинтересовавшимся этими вопросами. Правозащитные организации утверждали, что выступают от лица «гражданского общества» и действуют во имя его интересов. Сам термин указывает на избранную ими стратегию: гражданское общество, по определению, – это не государство. В основе концепции лежит проводимое в XIX в. различие между *le pays légal* and *le pays réel* – между теми, кто находится у власти, и теми, кто отражает настроения в обществе, что подводит нас к следующим вопросам: «Каким образом гражданское общество может закрыть брешь, существующую между ним и государством? Каким образом оно сможет поставить под свой контроль деятельность государства – или сделать так, чтобы государство стало руководствоваться его ценностями?» Проводимое различие заставляет предположить, что в настоящее время государство контролируется малочисленными привилегированными группами лиц, тогда как «гражданское общество» состоит из просвещенного населения в целом.

Эти организации смогли повлиять на правительства некоторых, а возможно, и всех государств таким образом, что те изменили свою политику в сторону большего соблюдения прав человека, но по ходу дела сами превратились скорее в придатки государства, нежели в его противников; сегодня, во всяком случае, они, как правило, весьма мало напоминают подлинных оппонентов системы. Они превратились в неправительственные организации, базирующиеся преимущественно в ключевых экономических зонах, но, тем не менее, стремящиеся проводить свою политику на периферии, где в них часто видят скорее агентов государств, где они «прописаны», нежели критиков оных. В любом случае эти организации редко оказываются в состоянии мобилизовать массовую поддержку своей деятельности и больше полагаются на свою способность использовать силу и влияние собственных «элитных» радикалов у себя дома, в ключевых экономических зонах.

Четвертым и самым молодым претендентом на статус борца против системы являются антиглобалистские движения – определение, чаще употребляемое не самими участниками этих движений, а их оппонентами. В средствах массовой информации данный термин почти не применялся, пока не вошел в обиход в репортажах о протестах, сопровождавших встречу участников Всемирной торговой организации (ВТО) в Сиэтле. «Глобализация» как элемент риторики, которой широко пользуются неолибералы из числа сторонников свободной торговли товарами и капиталами, на протяжении 1990-х гг. безусловно превратилась в весьма мощную силу. Организационным центром «глобализации» стал Всемирный экономический форум в Давосе, а свое институциональное оформление концепция получила в результате заключения Вашингтонского соглашения, а также благодаря политике Международного валютного фонда и укреплению ВТО. Сопровождение в Сиэтле должно было стать, по мысли его организаторов, важнейшей вехой в деле расширения роли ВТО, и внушительные протесты, фактически сорвавшие его проведение, многих застали врасплох. Среди демонстрантов было много северо-американцев.

риканцев из числа «старых левых», профсоюзных активистов, участников различных течений «новых левых», а также членов анархистских групп. Разумеется, уже одно то, что АФТ/КПП согласился стать в один ряд с организациями защитников окружающей среды и принять участие в столь радикальной акции, говорит о появлении чего-то совершенно нового, особенно применительно к Соединенным Штатам.

После Сиэтла продолжавшиеся по всему миру серии демонстраций, направленных против проведения межправительственных встреч с неолиберальной повесткой дня, в свою очередь, привели к созданию Всемирного социального форума, чьи первые заседания прошли в г. Порто-Алегре; в 2002 г. на его второе совещание съехалось 50 тыс. делегатов от тысячи с лишним организаций. Затем последовал ряд региональных конференций, подготовивших почву для Всемирного социального форума 2003 г., в котором приняло участие без малого 100 тыс. человек. Характерные особенности этого нового претендента на роль движения, выступающего против системы, во многом отличают его от ранее появившихся претендентов. Прежде всего – и это очень примечательно – ВСФ стремится свести воедино всех своих предшественников: «старых левых», новые движения, организации правозащитников и организации, которые лишь с натяжкой можно отнести к вышеперечисленным, – и включает в себя группировки, построенные на чисто местной, региональной, национальной и транснациональной платформе. Основа участия в Форуме – это общая цель, борьба против социальных недугов, порождаемых неолиберализмом, и уважение к приоритетам, которые могут быть у партнеров по движению. Очень важно, что ВСФ ставит перед собой задачу объединить в своих рамках движения как из Северного, так и Южного полушария. Пока им был выдвинут только один лозунг: «Другой мир возможен». Удивительно, но ВСФ стремится достичь данной цели, не прибегая к созданию единой надстроечной структуры. На сегодня у него имеется лишь международный координационный комитет примерно из сотни членов, который и представляет собой все

многообразие как самих движений, так и их географии. Хотя из рядов «старых левых» порой и слышится ропот, что ВСФ – это всего лишь реформистский фасад и не более того, действительных протестов было пока относительно немного. Ворчуны пока что только задают вопросы, а не осуждают. Безусловно, очень многие понимают, что достигнутые ВСФ успехи основаны на негативе, на неприятии неолиберализма как идеологии и институциональной практики. Велико число тех, кто считал и считает, что ВСФ следует идти дальше и принять более четкую и позитивную программу. Сможет ли он пойти на такой шаг и сохранить при этом существующий сегодня уровень единства, по-прежнему обходясь без создания общей (и неизбежно иерархической) структуры – вопрос важный и сложный, и решать его придется в ближайшие десять лет.

Если, как я уже неоднократно утверждал раньше, современная мировая система находится сейчас в состоянии структурного кризиса и мы вошли в «переходную эпоху» – период разветвления и хаоса, тогда становится ясно, что проблемы, стоящие сейчас перед движениями, выступающими против системы, должны проявлять себя иначе, чем в XIX и XX вв. Двухэтапная, ориентированная на государство стратегия стала неуместной, что объясняет ту неловкость, с которой большинство из ныне живущих отпрысков организаций, некогда числившихся в оппозиции к системе, выдвигают какие-либо комплексы политических задач на долгосрочную или краткосрочную перспективу. Тех немногих, кто всё еще отваживается на это, встречает скептицизм или, хуже того, безразличие, причем со стороны людей, в которых они рассчитывали найти себе сторонников.

Такой переходный период обладает двумя характерными особенностями, определяющими саму суть любой стратегии противостояния системе. Первая из этих черт состоит в том, что те, кто находится у власти, больше не будут пытаться сохранить существующую систему (обреченную в ее настоящем виде на саморазрушение); скорее, они постараются сде-

лать все возможное, чтобы переходность эта привела к построению новой системы, которая бы воспроизводила худшие черты нынешней – ее иерархичность, привилегии и неравенство. Может быть, они пока еще и не говорят о крушении теперешних структур, но уже осуществляют стратегию, основанную на признании его вероятности. Разумеется, в лагере их нет единства, о чем свидетельствуют разногласия между так называемыми традиционалистами-правоцентристами и ультраправыми, милитаристами-ястребами. Но они неустанно трудятся над тем, чтобы обеспечить поддержку таким переменам, которые не будут подлинными переменами, и поддержку идее новой системы, которая будет столь же плохой, как и существующая, если не хуже. Вторая фундаментальная особенность состоит в том, что период перехода к новой системе – это период крайней неопределенности, когда невозможно предсказать конечные результаты происходящего. История беспристрастна, она не выступает ни на чьей стороне. Каждый из нас может повлиять на то, каким станет будущее, но мы не знаем и не можем знать, как будут действовать другие, чтобы в свою очередь повлиять на него. В своих основных чертах структура ВСФ отображает собой эту дилемму и делает ее более зримой. Стратегия переходного периода должна, следовательно, включать в себя четыре компонента, о каждом из которых легче говорить, чем проводить его в жизнь. Первый компонент – это процесс непрерывной открытой дискуссии о сути перехода и его ожидаемых результатах. Задача эта никогда не была легкой, и известные в истории движения, выступавшие против системы, в данном отношении отнюдь не преуспели. Но обстановка в обществе стала более благоприятной для ведения таких дебатов, чем когда-либо в прошлом, а задача остается насущной и непреходящей, что подчеркивает важность роли интеллектуалов в сложившейся ситуации. Структура ВСФ идеально подходит для такой дискуссии; мы все убедились, что она в состоянии обеспечить ее открытость.

Второй компонент самоочевиден: движение, выступающее против системы, не может игнорировать необходимость

краткосрочных защитных действий, включающих в себя голосование на выборах в органы власти. Население мира живет в настоящем, и его каждодневные потребности должны удовлетворяться. Любое движение, игнорирующее эти потребности, обречено на потерю той пассивной поддержки, без которой невозможен его успех на длительную перспективу. Но мотивы и обоснование защитных действий должны состоять не в попытке подправить неэффективную систему, а в том, чтобы в краткосрочной перспективе не позволить усугубиться последствиям ее недостатков. Эти два мотива значительно отличаются друг от друга в психологическом и политическом плане.

Третий компонент должен состоять в формулировании промежуточных задач на среднесрочную перспективу, которые, по всей видимости, соответствовали бы общей тенденции развития. По моему мнению, одной из задач, наиболее полезных как по сути своей, так и в политическом, а также психологическом отношении, была бы попытка продвинуться в сторону декоммерциализации, поначалу весьма ограниченной, но потом все более и более расширяющейся. Сегодня все мы стали мишенью для многочисленных попыток со стороны неолибералов коммерциализировать то, что в прошлом никогда (или почти никогда) не становилось объектом купли-продажи – человеческое тело, воду и больницы. Мы должны не только противиться таким попыткам, но и двигаться в противоположном направлении. Следует декоммерциализировать целые отрасли промышленности, особенно те из них, которые находятся в неудовлетворительном состоянии. Это не означает, что их необходимо «национализировать» – по большей части такая мера означает лишь иной вариант коммерциализации. Но это означает, что нам следует создать структуры, которые были бы функциональны в рыночной ситуации и чья задача состояла бы скорее в продуктивности и жизнеспособности, а не просто в принесении прибыли. Почему, спросим мы, такая логика не подошла бы в случае, скажем, сталелитейных предприятий, находящихся под угрозой перенесения производства в другую страну? И, наконец, нам необходимо

детализировать и конкретизировать свои долгосрочные цели, к которым я бы отнес создание относительно демократического и относительно эгалитарного мира. Я говорю «относительно», потому что реалистична только такая перспектива. Неравенство никогда не исчезнет полностью, но совершенно не обязательно, чтобы оно было широко распространенным, закостеневшим и передаваемым по наследству. Не такой ли подход назывался раньше социализмом или даже коммунизмом? Возможно – да, а возможно – и нет. Этот вопрос возвращает нас к самой сути дискуссии. Нам следует прекратить фантазировать о том, на что будет похоже лучшее (хотя и не совершенное) общество. Нам необходимо дискутировать о нем, определять его очертания, экспериментировать с различными альтернативными структурами, пытаюсь приблизить его, и нам придется заниматься всем этим одновременно с проведением в жизнь трех первых частей нашей программы, разработанной для мира, пребывающего в хаосе перехода к новой системе. И если данная программа окажется недостаточной (а, вероятно, так оно и будет), то и саму эту недостаточность придется тогда подвергнуть дискуссии, включив ее в дебаты, стоящие пунктом первым все той же программы.

С английского перевел А. Юрасовский
(перевод неавторизованный)

Данная статья является главой *The Movements: Whats Does it Mean to Be an Antisystemic Movement Today?* из книги: Immanuel Wallerstein, *The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World*, The New Press, New York, 2003, p. 259-273.